

Lexeme *Heart* in The Structure of Pechora and Babylonian Epic Texts

Sergey Pavlovich Pravednikov¹, Ammar Odeh Jwair²,
Ali Adnan Mashosh³

Department of Russian Language, Kursk State University.¹

Department of Russian Language, College of Languages, University of Baghdad.^{2,3}

Received: 27/05/2025

Accepted: 06/11/2025

Corresponding
author:

sprav618@mail.ru

Doi:

<https://doi.org/10.3658>

[6/jcl.2.2026.0.53.0159](https://doi.org/10.3658/6/jcl.2.2026.0.53.0159)

Abstract

The study of the linguistic features of folklore works of different cultures is currently considered one of the most pressing issues in linguofolkloristic studies. Identification of cultural preferences of an ethnic group is possible at the level of analysis of paradigmatic relations and syntagmatic connections of individual lexemes that have a symbolic content for the ethnic mentality. The lexeme *Heart* is one of such keywords. The authors of this article set the goal of identifying the features of the use of the noun *Heart* in the folklore of two peoples: on one hand, in the epic of Gilgamesh, one of the oldest written relics of ancient Eastern literature, and on the other hand, in the heroic epic songs from the collection "Pechora Epics", which were recorded by N.E. Onchukov at the beginning of the 20th century. The work used original methods developed in the research laboratory "Folklore Lexicography" at Kursk State University. The most viable method was utilizing the alphabetic lexicon, which allowed for a comprehensive examination of the noun *Heart*, its syntagmatic, semantic and functional features. The data of the comparative analysis allowed us to conclude that there are specific features in the use of this linguistic unit in the epic works of two different peoples. In Russian epic works, the noun *Heart* easily relates to adjectives, while in ancient Eastern epics, epithets are used extremely carefully. A characteristic feature of the Russian bylinas is the use of special syntactic constructions based on associative series, which is completely uncharacteristic of the Akkadian epic.

Keywords: cross-cultural linguofolklore, Pechora Epics, Epic of Gilgamesh, noun *Heart*, comparative analysis.

ЛЕКСЕМА *СЕРДЦЕ* В СТРУКТУРЕ ПЕЧОРСКИХ и ВАВИЛОНСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

С. П. Праведников¹, А. А. Джувейр², А. А. Машуш³

Курский государственный университет¹

Багдадский университет - факультет языков^{2,3}

Аннотация.

Изучение языковых особенностей фольклорных произведений разных культур на сегодняшний момент является одним из наиболее актуальных вопросов лингвофольклористики. Выявление культурных предпочтений этноса возможно на уровне анализа парадигматических отношений и синтагматических связей отдельно взятых лексем, имеющих знаковое наполнение для этнического менталитета. К таковым ключевым словам относится лексема *сердце*. Авторы статьи поставили перед собой цель – выявить особенности употребления существительного *сердце* в фольклоре двух народов: с одной стороны, в эпосе о Гильгамеше, одном из самых ранних письменных памятников древневосточной литературы, с другой стороны, героических эпических песен из сборника "Печорские былины", которые были записаны Н.Е. Ончуковым в начале XX века. В работе были использованы оригинальные методики, разработанные в научно-исследовательской лаборатории "Фольклорная лексикография" Курского государственного университета. Наиболее последовательно применялась методика сжатия конкорданса, что позволило всесторонне рассмотреть существительное *сердце*, его синтагматику, семантические и функциональные особенности. Данные сопоставительного анализа позволили сделать вывод о наличии специфических черт в использовании данной языковой единицы в эпических произведениях двух разных народов. В русских эпических произведениях существительное *сердце* охотно вступает в отношения с прилагательными, в то время как в древневосточном эпосе эпитеты используются крайне осторожно. Характерной чертой русских былин является употребление особых синтаксических конструкций, в основе которых находятся ассоциативные ряды, что для аккадского эпоса совершенно не характерно.

Ключевые слова: кросс-культурная лингвофольклористика, былины Печоры, эпос о Гильгамеше, существительное *сердце*, сопоставительный анализ.

В 2008 году из-под пера трех курских ученых вышла монография "Кросс-культурная лингвофольклористика", в которой кросс-культурный анализ был представлен как надежный инструмент для выявления культурных универсалий, обнаружения оригинальных поведенческих кодов разных народов и в конечном итоге – для установления "специфических черт этнической ментальности путем сопоставления культур, осуществляемого на уровне вербализации концептов и концептосфер" (Хроленко, Бобунова, Бобунов, 2008, с. 4–5). Это монографическое исследование стало результатом многолетней разносторонней работы по изучению языка фольклорных произведений в сопоставительном аспекте, которая велась на кафедре русского языка Курского государственного университета. Активно разрабатывался и описывался материал, извлеченный из устнопоэтических сборников как близкородственных народов (привлекались данные белорусского, украинского фольклора), так и гораздо далее отстоящих друг от друга в генеалогической классификации. Немалое количество научных работ было опубликовано на страницах периодического издания "Лингвофольклористика", где нашли место кросс-культурные разработки (или материалы, впоследствии послужившие фундаментом для таковых) ученых из других городов и стран (Доброва, 2017; Джувейр, Праведников, 2022). Следует особо отметить, что некоторые исследовательские проекты получили международное признание (Джувейр, Праведников, 2023). Заметным шагом к укреплению позиций кросс-культурного изучения языка устного народного творчества стало сотрудничество ученых-лингвистов Курска и Багдада. Показательно, что обращение к фольклорному материалу и методикам его обработки, разработанным в научно-исследовательской лаборатории Курского государственного университета "Фольклорная лексикография", вызвало неподдельный интерес у ученых из Ирака (Джувейр, Климас, Праведников, 2024), и следующим этапом кросс-культурного исследования становится сопоставительный анализ русских былин и эпоса о Гильгамеше.

Эпос о Гильгамеше, или как его по-другому называют, поэма "О все издавшем" – древнейший культурный памятник литературы Древнего Востока. Переводчик текста на русский язык И.М. Дьяконов, крупнейший советский и российский историк-востоковед и лингвист, дает высокую оценку эпосу,

считая, что "эта древнейшая из известных нам эпических поэм мира, сохраняя народность, является композиционно единым произведением сознательного литературного творчества, отражающего философскую по своему существу идею автора"² (Дьяконов, 1961, с. 131). Говоря о литературном творчестве, комментатор не отказывает произведению в фольклорности. Распространена точка зрения о том, что "высшая ступень устного творчества, обычно связанная с созданием больших произведений древневосточного ораторского искусства, властно требовала записи, чтобы обеспечить сохранность древнего слова, и письменность, уже изобретенная, была применена для записи художественного слова" (Брагинский, 1973, с. 13).

Для анализа древневосточного эпоса мы обратились к переводу И.М. Дьяконова, который в научном сообществе характеризуется как наиболее точный с филологической точки зрения ("О все видавшем", 1973). Русский героический эпос мы рассмотрели на примере печорских былин, записанных Н.Е. Ончуковым (Ончуков, 1904, с. 5–397).

Мы решили начать нашу работу с рассмотрения одной лексемы, выбрав в качестве предмета исследования существительное *сердце*. Следует сказать, что это слово уже рассматривалось лингвофольклористами, но анализ был проведен на другом материале (Бобунова, 2000; Бобунова, Климас, 2005), печорские былины задействованы не были. Думаем, что привлечение нового материала послужит подкреплением выводам, сделанным ранее. Использовалась методика, специально разработанная курскими лингвистами как инструмент составления словарных статей, предназначенных для словаря языка русского фольклора; она всесторонне представлена, например, в статье (Хроленко, 1997, с. 6–7).

Существительное *сердце* было зафиксировано в сборнике печорских былин 40 раз. Приведем примеры, где оно было использовано:

Ево ясны-ти очи помутилисе,

Как горячи-ти слезы покатилисе,

² "Аккадский эпос о Гильгамеше – создание поэта, который не просто соединил между собой разрозненные шумерские сказания-былины, но тщательно продумал и скомпоновал известный ему материал, придав произведению глубокий философский смысл" (Афанасьева, 1997, с. 303).

А могучие-то плеча расходилисе,

*Молодецко ево **серцо** да розъярилосе* (Ончуков, 1904, с. 267).

Как кричит-то, зычит дружинишка хоробрая:

"Уж ты ой есь, удалой доброй молодец!

*Умири свое **серцо** багатырское,*

Опусти ты свои да руки белыя" (Ончуков, 1904, с. 388).

В текстах возможны следующие фонетические варианты: *серцо* 12, *сэрцо* 6, *серце* 5, *сарцо* 4, *сердце* 3, *сердцо* 3, *серьце* 2, *серче* 2, *серчо* 2, *серцэ* 1. Отмечаем этот факт особо, поскольку собиратель Н.Е. Ончуков при записи старался как можно более точно передать звучащую речь сказителей.

Всегда особый, повышенный интерес вызывают синтагматические связи слова. Существительное *сердце* вступает в отношения с прилагательными. Наиболее часто встречающимся в северных эпических песнях эпитетом является прилагательное *ретивый* (Бобунова, 2000, с. 26). В печорских былинах сочетание *ретивое сердце* зафиксировано 21 раз. Вообще следует отметить, что в русских эпических песнях *сердце* редко используется без стоящего рядом в предложении определения. Так и в печорских текстах из 40 случаев 37 раз *сердце* отмечено в сочетании с прилагательными, список которых мы приводим, указывая количество словоупотреблений: *заплывчивый* (5), *богатырский* (3), *богатырский заплывчивый* (2), *лошадиный* (1), *молодецкий* (1).

Словарь русских народных говоров дает толкование прилагательному *заплывчивый* – ‘вспыльчивый, обидчивый’ (Словарь русских народных говоров, 1974, с. 331).

Разнообразны и интересны отношения существительного *сердце* с глаголами. Оно может выступать в роли как субъекта, так и объекта действия. Будучи субъектом, оно осуществляет следующие вербальные связи: *[быть] заплывчивый* (5), *[быть] заплывчивый, неумчивый* (1), *[быть] заплывчивый, разрывчивый* (1), *возъяриться* (1), *загореться* (1), *окатить* (2), *оммыть* (1), *оммыться* (1), *осердиться* (1), *разгорячиться* (1), *разъяриться* (2),

рассердиться (1). Некоторые из приведенных слов, будучи территориально ограниченными в употреблении, нуждаются в толковании и комментарии.

Неумчивый. Это слово словарь русских народных говоров объясняет как 'неуёмный' (Словарь русских народных говоров, 1986, с. 191).

Разрывчивый. Слово, известными нам лексикографическими источниками не зафиксировано. Можно предположить, что перед нами идиолектное образование.

У поганого серье-то заплывчиво,

*Да заплывчиво серье-то, **разрывчиво*** (Ончуков, 1904, с. 14–15).

Характерное для русского эпоса близкое по звучанию слово *разрывчатый*, выступая в любом своем значении, явно не вписывается в изображаемую певцом ситуацию – 1. 'Эпитет лука. Тугой, очень упругий (*народно-поэт.*). 2. 'Фольк. Звонкий (о музыкальных инструментах), (Словарь русских народных говоров, 2000, с. 67). Скорее всего, мы имеем дело с авторским словотворчеством. исполнительница былины Федосья Емельяновна Чуркина, как отмечает собиратель, "былину знала твердо и спела прекрасно", дополнив канонический текст несколькими оригинальными штрихами (Былины Печоры, 2001, с. 699). Возможно, эпитет *разрывчивый* – явление этого же порядка.

Возъяриться. Совершенно очевидно, что это слово полностью совпадает с глаголом *разъяриться*; одинаковы контекст, лексическое окружение.

Окатить. Двувидовой глагол (*окатить – окатывать*) в былинном тексте употреблен в значении 'окатывать – доставлять удовольствие, радость (душе, сердцу), (Словарь русских народных говоров, 1987, с. 115).

Окатило у молодца нонь ретиво серцо (Ончуков, 1904, с. 91).

Оммыть – 'обмыть, смыть, вымыть'; *оммыться* – 'обмыться'. Глаголы употребляются в одинаковом контексте: богатырь, поднимая очередную "чару

зелена вина", сообщает, *оммылось* его *сердце* или нет, т.е. освободилось ли оно от забот, смыло ли выпитое вино тоску, кручину, и если нет – тогда поднимается еще одна чара.

Кабы пьет-то Василей к единому духу,

А за цярой-то Васька приговариват:

"Не омылось у Васьки да ретиво сердце,

Не звеселилась моя да буйна головушка" (Ончуков, 1904, с. 9).

В качестве объекта существительное *сердце* реализует связи со следующими глаголами: *быть в сердце* (1), *вынет* (1), *вынуть* (1), [*вынуть*] (1), *говорить от всего сердца* (1), *запаст* в (1), *заплываться сердцем* (2), *посмотреть* (1), *прижимать к* (1), *разогнать кручину с сердца* (1), *разрубить* (1), *смотреть* (2), [*стать*] *легче сердцу* (1), *умирить* (4), *унять* (1).

Вынет – областной вариант общеупотребительного глагола *вынуть*.

Заплываться. Глагол употреблен в устойчивом сочетании. < *Заплываться сердцем* – ‘горячиться, быть неразумным’ (Былины Печоры, 2001, с. 596). Сквозанный цепями богатырь смело отвечает пленившему его царю; тот в ответ на дерзкие речи упрекает его в неразумном поведении, объясняя это молодостью, отсутствием опыта:

Молодой ты детина, сердцем заплываишия (Ончуков, 1904, с. 395).

Умирить(ся). Возможно, перед нами контаминация глаголов *смирить(ся)* и *умериться* – ‘найти нужную меру чего-либо’ (Словарь русских народных говоров, 2014, с. 180).

Умирилисе удалы добры молодцы (Ончуков, 1904, с. 340).

Существительное *сердце* функционирует в печорских былинах в составе ассоциативных рядов, участвуя в процессе создания эмоционально-выразительного эпического фона. Нами отмечено 12 таких ассоциативных конструкций:

сердце (не) оммылось ... головушка (не) звесилилась (3 раза отмечено в текстах печорских былин); *звеселяться (сов. звеселиться)* – ‘делаться веселым, веселиться’ (Словарь русских народных говоров, 1976, с. 218).

оммыть сердце ... звеселить голову (1); *звеселять (сов. звеселить)* – *Фольк.* ‘делаться веселым, веселить кого-либо. <> Звеселить сердце, душу и т.д.’ (Словарь русских народных говоров, 1976, с. 218).

сердце окатило ... голову звеселило (1)

сердце рассердилось ... очи размутились (1); *размутиться* – ‘замутиться, стать мутным’ (Словарь русских народных говоров, 2000, с. 29).

сердце загорелось ... очи возмутились (1); *возмутиться* = *размутиться*

плечи расходились... сердце разъярилось (1)

плечи расходились... сердце разгорячилось (1)

очи помутились ... сердце осердилось (1)

очи помутились ... слезы покатались ... сердце возъярилось (1)

очи помутились ... плечи расходились ... сердце разъярилось (1)

умирить сердце ... опустить руки (2)

сердцем заплываться ... в речи не даваться (1)

В вавилонских таблицах существительное *сердце* отмечено 31 раз. Приведем пример, где употреблено это слово:

Между тем Гильгамеш сидит и плачет,

По щекам его побежали слезы;

Обращается к кормчему Уршанаби:

"Для кого же, Уршанаби, трудились руки?"

Для кого же кровью истекает сердце?" ("О всё выдавшем", 1973, с. 82).

В эпосе о Гильгамеше очень редко можно увидеть эпитеты к интересующему нас существительному. Ранее мы привели перечень прилагательных, определяющих слово *сердце* в русских былинах. Совпадений с древневосточным эпосом не обнаружено; в нем используются только три прилагательных – *беспокойный, гневный, мудрый* (каждое из них отмечено по одному разу).

Беспокойное сердце вложено в грудь Гильгамешу богом Солнца и правосудия Шамашем. Мать героя, отчетливо понимая, как тяжело приходится ее сыну, упрекает бога:

Зачем ты мне дал в сыновья Гильгамеша

И вложил ему в грудь беспокойное сердце? ("О всё выдавшем", 1973, с. 28).

Гневное сердце является причиной многих бедствий, нелегко бывает могучему богатырю справиться со своими эмоциями.

Услыхал Энкиду слово Шамаша-героя, –

У него успокоилось гневное сердце,

Усмирилась разъярённая печень ("О всё выдавшем", 1973, с. 50).

Энкиду – герой-дикарь, во всем следующий зову природы, обладает *мудрым сердцем*, данным ему от рождения.

Рассмотрим глагольные связи существительного *сердце*, которое может выступать в качестве как субъекта, так и объекта.

V_S (субъект действия): *веселиться* 1, *загореться* 1, *искать* 1, *истекать кровью* 1, *опечалиться* 1, *склонить к* 1, *[стать] печальный* 3, *уняться* 1, *успокоиться* 1

V₀ (объект действия): *быть печальным сердцу* 3, *вещать сердцу* 2, *вложить в грудь* 1, *вырвать* 2, *запасть в сердце* 1, *печалить* 1, *радовать* 3, *сказать в сердце* 1, *следовать сердцу* 1, *создать подобие в сердце* 1, *тронуть* 1, *унять* 1

Добавим к этому два случая сочетания с существительными:

S: *желание сердца* 1, *печаль сердца* 1

Можно наблюдать определенные закономерности, связанные с тем, в каких случаях употребляется *сердце*.

Всё начинается с рождения. Правда, в данном случае описывается появление на свет не главного героя, а его помощника, товарища, спутника, причем таковым он стал не сразу, а в результате ряда метаморфоз, которые позволили ему обрести настоящий человеческий облик. Ведь даже создан Энкиду, герой, которому было предназначено стать верным другом Гильгамеша, был необычным способом. Богиня-мать Аруру вылепила его из глины. Перед тем, как приступить к творческому акту, она *создала в своем сердце* образ будущего героя, придав ему сходство с Ану – богом неба, оказывающим покровительство шумерскому городу Уруку – родине Гильгамеша.

Становление Энкиду происходит не сразу, поначалу его потребности сводятся к примитивному удовлетворению своих желаний, насыщению, но даже в этом проявляется божественное руководство героем, видна заинтересованность высших сил в преобразовании героя. О многом говорит описание начала его жизни: Энкиду окружен природой, растет вместе с представителями животного мира, почти ничем от них не отличается. Однако читатель знает о его потенциале, который обозначен за счет умело подобранных языковых средств. Так, например Энкиду не пьет, а *радует сердце водой*.

У Энкиду возникает потребность в дружбе, чему способствует его общение с женщиной Шамхат, которая предлагает дикарю познакомиться с Гильгамешем, чтобы Энкиду перестал вести животный образ жизни и подружился с настоящим героем-воителем. Это находит отклик в первобытном сердце.

Для исполнения задуманного нужно перейти некую черту, отделяющую *нечеловека от человека*. Для этого нужно определенное состояние, требуется правильный настрой сердца. Энкиду такой переход совершает.

Героям свойственно проявление самых разных эмоций: от гнева до печали. Смирение требует не меньших усилий, чем совершение подвига.

Преклонил Гильгамеш на землю колено,

Он смирил свой гнев, унял свое сердце ("О всё выдавшем", 1973, с. 16).

В этом мы видим сходство аккадского героя с героями русских былин (см. выше).

Печаль часто посещает сердца героев. Причина может быть разной. Так, Гильгамеш спрашивает у Энкиду, какова причина его грусти –

Почему твои очи наполнились слезами,

Опечалилось сердце, вздыхаешь ты горько? –

и в ответ слышит:

"Вопли, друг мой, разрывают мне горло:

Без дела сижу, пропадает сила " ("О всё выдавшем", 1973, с. 22).

Безделье не совместимо с поведенческим кодексом героя. Однако не каждое действие способствует освобождению от печали. Гильгамеш предлагает Энкиду "изгнать зло из мира" – напасть на Хумбабу, хранителя кедров на священной горе. Гильгамеш хочет осуществить давнее свое желание, которое возникло у него еще до встречи с Энкиду. Тогда старейшины предостерегали героя, считая, что он в силу своего возраста совершает необдуманный поступок, повинуясь порыву сердца (чувству, но не разуму).

Приобретя друга, заручившись его поддержкой, Гильгамеш возвращается к мысли об искоренении всемирного зла – ведь только так может жить великий воин – искренне, веря в идеалы, жить для других, т.е. *следуя сердцу*.

Энкиду сомневается в успехе затеи Гильгамеша, он не уверен, можно ли вообще победить чудовище, и этими *речами печалит сердце* своего друга.

Гильгамеш уверен в правильности своих действий. Он говорит, что выполнит свой долг, пойдет своей дорогой, несмотря ни на какие препятствия, в том числе преодолевая печаль в сердце, т.е. преодолевая смертельное предчувствие.

Гильгамеш призывает Энкиду быть смелым в бою, вкладывая в свои слова всю силу своего убеждения. Герой, избрав свой путь, не может сойти с него, отклониться от выполнения предназначения. В минуты душевной слабости ему на помощь всегда придет верный друг.

Пусть сойдет с твоих рук онеменье,

пусть покинет слабость твое тело...

*Пусть загорится твое **сердце** сраженьем!*

Забудь о смерти, – достигнешь жизни! ("О всё выдавшем", 1973, с. 33).

Сердце фигурирует как при зарождении жизни, так и при смерти героя. Гильгамеш теряет друга.

*Тронул он **сердце** – оно не бьется.*

Закрыл он другу лицо, как невесте ("О всё выдавшем", 1973, с. 54).

Нет сил, способных унять горе. Скорбь о погибшем товарище является венцом проявления печали.

Мы видим, что, несмотря на большую разницу в пространственно-временном отношении, эпические тексты двух разных народов обнаруживают определенное сходство в использовании языковых средств на парадигматическом и синтагматическом уровнях. Оригинальные методики, разработанные курскими лингвофольклористами, позволяют это обнаружить и всесторонне проанализировать. Существительное *сердце* занимает значимое место в обеих эпических традициях. Обращает на себя внимание активное

использование в сочетании с ним прилагательных в текстах русских былин и крайне редкое употребление эпитетов в подобных случаях в древневосточном эпосе.

Сердце и в печорских былинах, и в эпосе о Гильгамеше играет роль как субъекта, так и объекта действия, вступая в отношения со значительным числом глаголов, принадлежащих различным лексико-тематическим группам. Многие из глаголов, использованных в текстах русских былин, характеризуются как диалектные.

В записях русского героического эпоса отмечается частое употребление синтаксических конструкций, включающих в себя ассоциативные ряды с существительным *сердце*, что является характерной чертой, отличающей русские былины от аккадского эпоса в русском переводе.

Библиографический список

Афанасьева, В. К. Гильгамеш (1997). В книге С. А. Токарева (ред.), *Мифы народов мира*. (Т. 1, стр. 302–304). Москва: Российская энциклопедия.

Бобунова, М. А. (2000). Сердце в русском эпосе. *Лингвофольклористика*, 1, 26–30.

Бобунова, М. А., Климас, И. С. (2005). Полно, сердце, сокрушаться... *Ученые записки Курского государственного университета*, 1(2), 72–76.

Брагинский, И. У (1973). истоков художественного слова. В книге И. Брагинского (ред.), *Поэзия и проза Древнего Востока* (стр. 5–20). Москва: Художественная литература.

Былины Печоры. (2001). *Былины Печоры*. (Т. 1.). Санкт-Петербург: Наука; Москва: Классика.

Джувейр, А. А., Климас, И. С., & Праведников, С. П. (2024). Перспективные методики и направления в изучении русского фольклора. *Journal of the College of Languages*. 49. 113–134. <https://doi.org/10.36586/jcl.2.2024.0.49.0113>

Джувейр, А. А., & Праведников, С. П. (2023). Анализ вариантов русских частушек как средство выявления территориальной специфики фольклорных текстов. *Lark journal for Philosophy, linguistics and social sciences*, 4. I. 51, 787–797. <https://doi.org/10.31185/lark.Vol3.Iss51.3256>

Джувейр, А. А., Праведников, С. П. (2022). К вопросу о региональных

особенностях русских частушек. *Лингвофольклористика*, 36, 26–33.

Доброва, С. И. (2017). Кросс-культурная специфика заговорного мироустройства (на материале параллелистической формулы отсылки болезни в русских и болгарских заговорах). *Лингвофольклористика*, 26, 70–90.

Дьяконов, И. М. (1961). Эпос о Гильгамеше. В книге В.В. Струве (ред.), *Эпос о Гильгамеше ("О все выдавшем")* (стр. 91–143). Москва–Ленинград: Издательство АН СССР.

О всё выдавшем со слов Син-леке-уннинни, заклинателя (1973). В книге И. Брагинского (ред.), *Поэзия и проза Древнего Востока* (стр. 166–221). Москва: Художественная литература.

Ончуков, Н. (1904). *Печорские былины*. Санкт-Петербург: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор.

Словарь русских народных говоров (1965–2021). Москва; Ленинград (Санкт-Петербург): Наука. Вып. 1–52.

Хроленко, А.Т. (1997). Желтый в русских былинных текстах. *Живая старина*, (4), 6–7.

Хроленко, А. Т., Бобунова, М. А., & Бобунов, А. М. (2008). *Кросс-культурная лингвофольклористика: становление, методология, перспективы*. Курск: Издательство Курского государственного университета.

References:

Afanasyeva, V. K. (1997). *Gilgamesh*. In S.A. Tokarev (Ed.), *Myths of the peoples of the world*. (Vol. 1, pp. 302–304). Moscow: Russian Encyclopedia.

Bobunova, M. A. (2000). The heart in Russian epic. *Lingvofolkloristics*, 1, 26–30.

Bobunova, M. A., Klimas, I. S. (2005). Enough, my heart, to grieve... *Scientific notes of Kursk State University*, 1(2), 72–76.

Braginsky, I. (1973). At the Origins of the Artistic Word. In I. Braginsky (Ed.), *Poetry and Prose of the Ancient East* (pp. 5–20). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura.

Byliny Pechory. (2001). *Byliny Pechory* (V. 1.). St. Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika.

Jwair, A. O., Klimas, I. S., & Pravednikov, S. P. (2024). Perspective methods and directions in studying the language of Russian folklore. *Journal of the College of Languages*, 49, 113–134. <https://doi.org/10.36586/jcl.2.2024.0.49.0113>

Jwair, A. O., Pravednikov, & S. P. (2023). Analysis of variants of Russian ditties as a means of identifying the territorial specificity of folklore texts. *Lark journal for Philosophy, linguistics and social sciences*, 4(51), 787–797. <https://doi.org/10.31185/lark.Vol3.Iss51.3256>

Jwair, A. O., & Pravednikov, S. P. (2022). On the issue of regional features of Russian ditties. *Lingvofolkloristics*, 36, 26–33. <https://doi.org/10.31185/lark.Vol3.Iss51.3256>

Dobrova, S. I. (2017). Cross-cultural specificity of the conspiracy world order (based on the parallelistic formula for sending away illness in Russian and Bulgarian conspiracies). *Lingvofolkloristics*, 26, 70–90.

Dyakonov, I. M. (1961). *The Epic of Gilgamesh*. In V. V. Struve (Ed.), *The Epic of Gilgamesh ("About the All-Seeing One")* (pp. 91–143). Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.

On the All-Seeing One from the Words of Sin-leke-unninni, the Sorcerer. (1973). In I. Braginsky (Ed.), *Poetry and Prose of the Ancient East* (pp. 166–221). Moscow: Fiction.

Onchukov, N. (1904). *Pechora epics*. St. Petersburg: Typo-lithography of N. Sokolov and V. Pastor.

Dictionary of Russian folk dialects. (1965–2021). Moscow; Leningrad (Saint Petersburg): Nauka. Issues 1–52.

Khrolenko, A. T., Bobunova, M. A., & Bobunov, A. M. (2008). *Cross-cultural linguafolklore studies: Formation, methodology, prospects*. Kursk: Publishing House of Kursk State University.

Khrolenko, A. T. (1997). Yellow in Russian epic texts. *Zhivaya Starina*, (4), 6–7.

مفردة القلب في بنية نصوص ملاحم بيتشورا وبابل

سيرغي بافلوفيتش برافيدنيكوف¹، عمار عوده جوير²، علي عدنان مشوش³.

قسم اللغة الروسية، جامعة كورسك الحكومية¹.

قسم اللغة الروسية، كلية اللغات، جامعة بغداد^{2,3}.

المستخلص:

تعد دراسة السمات اللغوية للأعمال الفولكلورية للثقافات المختلفة حالياً واحدة من القضايا الأكثر إلحاحاً في دراسات الفولكلور اللغوي، ويُمكن تحديد التفضيلات الثقافية لمجموعة عرقية ما من خلال تحليل العلاقات النموذجية، والروابط النحوية للمفردات ذات المحتوى الرمزي للعقلية العرقية، وتُعدّ مفردة "قلب" إحدى هذه الكلمات المفتاحية. وضع مؤلفو المقال هدفاً لتحديد سمات استعمال اسم القلب في التراث الشعبي لشعبين، من جهة في ملحمة جلجامش إحدى أقدم الآثار المكتوبة في الأدب الشرقي القديم، ومن جهة أخرى في الأغاني الملحمية البطولية من مجموعة "ملاحم بيتشورا" التي سجلها ن. ي. أونشوكوف في بداية القرن العشرين. استعمل العمل أساليباً أصلية طُوّرت في مختبر أبحاث "معاجم الفولكلور" بجامعة كورسك الحكومية، وكانت أكثرها جدوى استعمال الفهرس الأبجدي، الذي أتاح دراسةً شاملةً للاسم "قلب" وخصائصه النحوية والدلالية والوظيفية، وقد أتاحت لنا بيانات التحليل المقارن أن نستنتج أن هناك سمات محددة في استعمال هذه الوحدة اللغوية في الأعمال الملحمية لشعبين مختلفين. في الأعمال الملحمية الروسية يرتبط اسم "القلب" بسهولة بالصفات، بينما في الملاحم الشرقية القديمة، تُستعمل صفاته بحذر شديد، ومن السمات المميزة للملاحم الروسية استعمال تراكيب نحوية خاصة قائمة على السلاسل الترابطية، وهو أمرٌ لا يميّز الملحمة الأكديّة إطلاقاً.

الكلمات المفتاحية: الفولكلور اللغوي بين الثقافات، ملحمة بيتشورا، ملحمة جلجامش، اسم القلب، التحليل المقارن.